

От внезапного появления величественного кречета перепугался не только Гу Сяодун — его белая лошадка задрожала всем телом. Поглаживая дрожащую голову своей белой кобылки, юноша сердито проворчал, обращаясь к Чжу Ми:

— Какая пакость! У этой летающей бестии вообще есть имя? Твари такой редкой породы обычно сообразительны и понимают человеческую речь. Я хочу осыпать её проклятиями лично, называя по имени!

— Хуацзинь.

— Хуа... — Возмущенный возглас Гу Сяодуна оборвался на полуслове. — Хуацзинь? То есть «Догоревший фитиль»? Это тот самый «цзинь», о котором я думаю?

Чжу Ми вопросительно приподнял бровь:

— А о чём именно вы думаете, молодой господин?

Рука Гу Сяодуна, ласкавшая лошадь, замерла, а гнев улетучился сам собой.

— Ну, в народе «Хуацзинь» — догоревший фитиль — связывают с «огненным цветком» на свече. Когда фитиль прогорает и сворачивается бутоном, это считают добрым предзнаменованием. Мой приемный отец говорил, что такое случается перед радостным событием: искра на кончике фитиля сулит счастье в доме. Мне всегда нравились эти два слова — звучит поэтично, да и смысл чудесный. Интересно, Гу Цзиньюй вообще понимает, что означает это имя?

Чжу Ми покачал головой:

— Мне неведомы помыслы четвертого молодого господина. Он человек на редкость начитанный и проницательный, так что, полагаю, ему известен этот смысл.

Управляющий никогда не расспрашивал Гу Цзиньюя о его мыслях и не страдал излишним любопытством. Он прекрасно знал: даже спроси он, ответа всё равно бы не последовало.

— Надо же, во всем поместье только одна такая птица, да к тому же верный спутник, с которым Гу Цзиньюй рос бок о бок, а вы даже не поинтересовались значением столь важного имени? — Гу Сяодун задрал голову, высматривая в вышине парящего кречета. Красивое имя заставило его сменить гнев на милость, и мысли юноши тут же перескочили на другую тему: — Послушай, Железный страж, а сколько лет было Гу Цзиньюю, когда ты стал его управляющим?

— В ту пору четвертому молодому господину исполнилось семь лет, — как можно спокойнее ответил Чжу Ми. До того как получить назначение в личный дворик Гу Цзиньюя, он служил у старшей молодой госпожи Гу Жэньли.

— И каким же он был в детстве?

«Детство» в понимании обычных людей — это время беззаботных шалостей и невинного неведения. Однако Чжу Ми про себя рассудил, что у пятерых отпрысков клана Гу никакого «детства» толком и не было. Едва в их юных головах пробуждался разум, они с головой уходили в бесконечные и суровые занятия. Пока деревенские мальчишки вроде Гу Сяодуна развлекались тем, что катались верхом на свиньях, благородные наследники Гу уже всюю ковали характер и овладевали знаниями, готовясь к борьбе за место под солнцем.

Вместо прямого ответа Чжу Ми процитировал строфу из «Книги обрядов», которую вдалбливал в голову Гу Сяодуна этим утром:

— Уже тогда четвертый молодой господин свято следовал правилу: «Да пребудет во всём благоговение; вид пусть будет задумчив, а речи — спокойны».

Гу Сяодун проникся невольным почтением, но в то же время ему стало немного жаль кузена:

— Какая тоскливая, должно быть, у него была жизнь в эти годы. Вечно занят...

— Именно поэтому сейчас он удостоен чести служить компаньоном по учебе при наследной принцессе и по императорской милости проживает во дворце, — голос Чжу Ми вновь обрел суровость. — Молодой господин Сяодун, вам тоже следует быть требовательнее к себе. Время не ждет, и не стоит растрачивать его впустую на легкомысленные забавы, чтобы на склоне лет не пришлось горько раскаиваться в содеянном.

— Ну, мне кажется, я еще слишком юн для таких суровых истин, — Гу Сяодун озорно высунул кончик языка. — Но ладно, я послушаюсь тебя. Говори, Железный страж, чему мы станем учиться теперь?

Чжу Ми планировал отвести его на другой конец тренировочного поля, чтобы попрактиковаться в стрельбе из лука. Однако стоило им развернуть коней, как на краю ипподрома показались четыре всадника на великолепных скакунах. Двое ехали впереди, двое чуть поодаль. Возглавлявших кавалькаду узнать было проще всего: это были вторая молодая госпожа Гу Жухуэй и наследный княжич Гу Пинхань.

Чжу Ми прищурился, вглядываясь в даль. Спустя мгновение он узнал и остальных юношей. Сохраняя невозмутимость, он спешил и взял под уздцы обеих лошадей — свою и подопечного.

Ведя коней шагом, он вполголоса пояснил Гу Сяодуну:

— К нам приближаются четыре всадника. наших господ вы знаете, а вот двое других — важные гости. Сразу за второй молодой госпожой на вороном коне с белой отметиной во лбу едет Гуань

Юньцзи, любимый сын министра юстиции. Следом за наследным княжичем держится Гэ Дунчэнь, единственный сын генерала Облачного знамени. Обоим по тринадцать лет, они на год старше вас.

Услышав, что вторая сестра и третий брат направляются напрямик к нему, Гу Сяодун мгновенно разволновался. Чжу Ми ровным голосом напомнил ему утренние наставления: как склонять голову перед старшими родственниками, как приветствовать равных по статусу благородных господ. Сяодун всё помнил назубок, однако ладони его предательски взмокли от волнения. Стоило всадникам поравняться с ними, как он, торопливо соскакивая на землю, запнулся и едва не полетел кувырком.

Кое-как удержав равновесие, он торопливо согнулся в глубоком поклоне:

— Сяодун приветствует вторую молодую госпожу и наследного княжича.

Четверо гостей одновременно соскочили на землю. Глухой, слаженный стук их сапог заставил испуганное сердце Сяодуна сжаться.

— Встань, — холодно и бесстрастно обронил Гу Пинхань.

Гу Сяодун поспешно выпрямился. На лицах троих прибывших — за исключением сурового Гу Пинханя — играли легкие улыбки, хотя взгляды их разительно отличались. Сяодун первым делом с робкой надеждой посмотрел на свою вторую сестру, Гу Жухуэй. Матушка Ань Жои окружала его заботой целую неделю перед отъездом, и в его памяти навсегда запечатлелась нежность любящей матери; теперь он подсознательно ждал такой же кроткой теплоты от сестры.

Однако реальность безжалостно развеяла его девичьи мечты: Гу Жухуэй оказалась совсем не такой, как он себе представлял.

Эта высокая, тонкая, как тростинка, девушка с первого взгляда казалась хрупким, едва ли не болезненным созданием. Но стоило взглянуть в её черты, как наружу проступала скрытая под маской утонченности стальная воля. Холодная, непреклонная решимость сквозила в каждом изгибе её бровей, и даже вежливая улыбка не могла растопить этот лед.

Её губы тронула безупречно выверенная, мягкая улыбка:

— Оставь церемонии. Вчера матушка упомянула, что к нам приехал дальний родственник, а сегодня мы уже имеем удовольствие познакомиться лично. Как тебе живется в Восточном лесном саду? Наше поместье огромно, хлопот у слуг всегда предостаточно. Если приём покажется тебе недостаточно радушным или возникнут нужды — без стеснения говори нам.

Гу Пинхань тем временем перевёл тяжелый взор на управляющего:

— Чжу Ми, уделяй больше внимания его манерам и обучению. Негоже гостю выказывать подобное nepотpeбcтвo и тaк пoзopить имя семьи.

Чжу Ми преклонил колено в пыли, не смея поднять глаз:

— Слушаюсь, наследный княжич.

Отношение кузенов сквозило во всём: они смотрели на пришельца из глуши словно на придорожную пыль. Гу Сяодуну оставалось лишь неловко улыбаться:

— Благодарю... благодарю за заботу, вторая молодая госпожа. Спасибо за наставление, наследный княжич.

Стоявший за спиной Пинханя юноша негромко рассмеялся, разряжая повисшее в воздухе напряжение:

— А я-то сокрушался, что с отъездом Цзиньюя во дворец лишусь доброго товарища и буду изнывать от скуки. Кто же знал, что в поместье у наследного княжича как раз вовремя появится столь замечательный гость! Похоже, впереди нас ждет немало весёлых дней.

С этими словами он открыто и дружелюбно обратился к Гу Сяодуну:

— Приветствую тебя, Сяодун. Меня зовут Гэ Дунчэнь. Глядя на твою хрупкую статью, полагаю, ты младше меня на год-другой. Позволишь ли мне, как и твоим кузенам, называть тебя просто младшим братом?

Гу Сяодун поспешно сложил ладони вместе и вежливо поклонился новому знакомому:

— Разумеется! Премного благодарен вам, господин Гэ.

— Ну что за официальный тон, братец, к чему эти лишние условности? — рассмеялся юноша.

Очевидно, будучи сыном сурового военачальника, Гэ Дунчэнь унаследовал от отца широту души и воинскую прямооту. Он был статен, недурен собой, а напускная чопорность, отличавшая большинство столичных щеголей, сидела на нем едва заметным налетом. В каждом его жесте читались простота и легкая непринужденность.

Он указал на стоящего рядом молчаливого спутника:

— Моего угрюмого приятеля зовут Гуань Юньцзи. Он тоже дружен с Цзиньюем и спит и видит, как бы заполучить его великолепного кречета. Мы как раз вели оживленную беседу, когда

вдруг со стороны поля раздался дикий вопль, а следом в небо взмыл этот гордый хищник. Надо было видеть лицо Юньцзи в тот миг — он буквально впился в птицу глазами!

Услышав про «дикий вопль», Гу Сяодун залился краской стыда. Он прекрасно понял, что благородные господа услышали его собственный недавний крик, и теперь сообразил, за какое именно «непотребство» его отчитывал суровый кузен. Впрочем, этот неловкий момент заставил его проникнуться искренней симпатией к Гэ Дунчэню. Юноша явно уловил его смущение и попытался изящно перевести всё в шутку.

Если Гэ Дунчэнь так и брызгал жизнелюбием, то Гуань Юньцзи держался с холодным высокомерием. Он ожёг Гу Сяодуна пренебрежительным косым взглядом и, процедив сквозь зубы сухое приветствие, вновь задрал голову, высматривая парящего среди облаков кречета.

Гу Сяодун застыл на месте столбом, судорожно соображая, как завязать приличный разговор. К счастью, Гу Жухуэй с легкой улыбкой предложила ему закончить на сегодня и пойти отдохнуть. Стоило ему с облегчением повернуться, чтобы уйти, как за спиной раздался непреклонный голос Гу Пинханя:

— Солнце еще высоко. Раз уж явился на тренировочное поле — изволь заниматься делом.

Не терпящим возражений тоном наследный княжич приказал управляющему Чжу продолжить занятия верховой ездой. Сама же благородная четверка направилась к раскинувшейся неподалеку изящной беседке, намереваясь продолжить прерванную беседу в тени. Там их уже ждали Чжан Дэнцин и свита из слуг и служанок.

Оказавшись в седле своей покорной кобылки, Гу Сяодун притих. Теперь он не смел ни смеяться во весь голос, ни вскрикивать от восторга — ведь ледяной взор Гу Пинханя то и дело скользил в его сторону из беседки. Чжу Ми, выполняя волю хозяина, не давал подопечному ни минуты передышки.

Эта изнурительная скачка продолжалась без малого три часа.

В конце концов Гу Сяодун выбился из сил окончательно. Кое-как выдавив из себя благовидный предлог о естественной нужде, он сполз со спины лошади. Бедра нещадно горели, а стертые в кровь ноги отказывались служить. Сделав лишь пару шагов по траве, он запутался в собственных ногах, зацепился левой ногой за правую и с размаху рухнул плашмя.

— О-о-ох... — из глубины его души вырвался тихий стон. Ему хотелось прямо так и остаться лежать на теплой земле и проспать до самого заката.

Чжу Ми торопливо шагнул вперед и протянул руку, намереваясь помочь ему подняться:

— Молодой господин, вы целы?

Гу Сяодун даже пальцем пошевелить не мог. Он лишь слабо пошевелил ладонью, уткнувшись носом в пыль:

— Худо мне, Железный страж... Не трогай меня пока, умоляю. Позволь мне слиться с матушкой-землей в немых объятиях...

Наступило недолгое молчание. Вскоре Чжу Ми негромко произнес над его ухом:

— Молодой господин Сяодун, вам придется подняться. К нам направляется господин Гэ.

Эти слова подействовали на юношу лучше любого целебного зелья. Преодолевая ломоту во всем теле, он рывком приподнялся на локтях и кое-как встал на подкашивающиеся ноги. Не успел он толком отряхнуть подол халата, как перед ним выросла статная фигура Гэ Дунчэня:

— Приветствую, младший брат Сяодун! Я еще издали заметил, как ты неловко кувыркнулся. Всё обошлось? Кости целы?

— Всё в порядке, сущие пустяки! — бодро отозвался Сяодун, всю стараясь скрыть дрожь в коленях.

Его глаза радостно заблестели, и он с почтением обратился к гостю:

— Спасибо за беспокойство, молодой господин Гэ.

Гэ Дунчэнь подошел ближе и мягко рассмеялся:

— К чему эта излишняя вежливость? Раз уж мы решили обойтись без условностей, зови меня просто братом Дунчэнем.

Гу Сяодун, который таял от любого проявления тепла, мгновенно просиял:

— Хорошо, брат Дунчэнь!

Гэ Дунчэнь на мгновение замялся, а затем слегка наклонился и с улыбкой произнес:

— До чего же стоворчивый малый. Тебе и впрямь двенадцать лет? Выглядишь ты совсем крохотным. Я грешным делом подумал, что у нас огромная разница в возрасте, но наследный княжич уверяет, что ты ровесник Цзиньюя.

Гу Сяодун смущенно потер кончик носа:

— Да уж, чистая правда. Двенадцать лет без единой прикрасы, всё честно!

— И все же сложен ты на редкость хрупко.

— Есть такое, — вздохнул Сяодун и восхищенно показал собеседнику большой палец. — Зато у тебя, брат Дунчэнь, кость крепкая и плечи широкие. Сразу видно богатыря!

— Я с малых лет не выпускаю из рук оружия и тренирую тело, оттого и вырос крупным, — Гэ Дунчэнь рассмеялся еще громче, после чего обернулся к застывшему неподалеку управляющему: — Управляющий Чжу, что же вы так суровы со своим подопечным? Даже глотка воды мальчику не поднесли. Поглядите, у него же губы совсем пересохли.

Гу Сяодун мысленно закивал.

"Вот именно! Этот Чжу Ми — просто невыносимый деспот!"

В его глазах Гэ Дунчэнь теперь казался воплощением искреннего дружелюбия. Пусть тот и выглядел по-военному прямолинейным рядом с изнеженными столичными франтами, в его словах сквозила редкая деликатность. Ни тени высокомерия, ни намека на спесь — с таким открытым человеком вполне можно было сойтись поближе.

Стоило Чжу Ми удалиться за водой, как Гу Сяодун оживленно спросил:

— Брат Дунчэнь, почему ты решил уйти от них? Тебе разве не интересно беседовать с наследным княжичем и остальными?

— Слишком долго засиделся на одном месте, захотелось размять суставы, — Гэ Дунчэнь небрежно пожал плечами. С уходом строгого Чжу Ми он окончательно расслабился. — Да к тому же наш наследный княжич сегодня сам не свой. Редкое зрелище, признаться: Пинхань то и дело витает в облаках и отвлекается по пустякам. Скука смертная! Вести беседу с ним сейчас — одно наказание, так что я предпочел обратиться подальше и подышать свежим воздухом.

Разминая на ходу затекшие плечи, он подошел к понурой белой лошадке Гу Сяодуна и потрепал её по гриве:

— Я некоторое время наблюдал за твоей ездой. Ты совершенно неверно держишь спину и перенапрягаешь поясницу. Держу пари, сейчас у тебя всё тело ноет от макушки до пят?

Глаза Сяодуна удивленно округлились:

— Именно так! Всё жутко болит! А как нужно правильно держаться в седле? Брат Дунчэнь, ты не мог бы меня научить?

Гэ Дунчэнь вновь не сдержал добродушного смеха. Изначально он шел сюда лишь для того, чтобы разведать обстановку и прощупать почву под ногами загадочного пришельца. Он и представить не мог, что в этом темном омуте интриг, коим являлось Поместье Гу, ему встретится столь бесхитростный ребенок, чьи мысли читал любой желающий. Пожалуй, это было куда более удивительным зрелищем, чем рассеянность рассудительного наследного княжича.

— Отчего же нет, дело нехитрое.

С мягкой усмешкой он уговорил измученного юношу вновь взобраться на кобылку, чтобы наглядно показать ему правильную стойку и уберечь от ошибок. Гу Сяодун, преодолевая ломоту в мышцах и кривясь от пронзительной боли в бедрах, с тихим кряхтением послушно полез обратно в седло.

Гэ Дунчэнь невольно улыбнулся.

"До чего же нелепый и очаровательный глупыш"

<http://bllate.org/book/20609/2112441>